

УДК 291

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.89>

Векторы объяснения религиозной архитектуры в оптике психологии религии

Д. А. Бегчин*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Отражены результаты поиска общих философско-религиоведческих принципов и возможностей исследования религиозной архитектуры в оптике психологии религии. В качестве основы такого исследования выбрана функциональная методология, позволяющая психологически объяснить необходимость и неслучайность религиозной архитектуры для сохранения (воспроизведения, распространения, развития) религии. С опорой на взгляды М. Р. Савченко в контексте архитектурной онтологии и функциональной методологии выявлено, что достижение указанной цели затруднительно в рамках традиционных религиоведческих подходов ввиду их общей ориентации на герменевтическое понимание архитектурных строений как части духовной культуры. Функциональная методология, в свою очередь, позволяет исследовать архитектурные процессы и свойства, которые не могут быть редуцированы к какой-либо символической реальности, отличны от культурных процессов и свойств культурных институтов, но тем не менее способствуют функционированию культуры и религии.

Ключевые слова: методология, архитектура, религия, ритуал, функциональный анализ, когнитивное религиоведение, юнгианский психоанализ.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Бегчин Д. А. Векторы объяснения религиозной архитектуры в оптике психологии религии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 89–101. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.89>

Original article

Vectors of Explanation of Religious Architecture in the Optics of the Psychology of Religion

D. A. Begchin*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In this research paper was implemented a search for general philosophical and scientific principles and possibilities of the study of religious architecture in the optics of the psychology of

religion. For this purpose were involved the achievements of M.R. Savchenko in the field of architectural ontology and functional methodology. It was shown that the study of architecture from the position of psychology of religion should pursue psychological explanation of the need for religious architecture for the preservation (survival, spread, development) of ritual and religion. This type of explanation is possible on the basis of a functional methodology that allows the study of architectural processes that cannot be reduced to the cultural processes of understanding, interpretation of communication. It was shown that the study of architecture from the point of view of the psychology of religion is possible in the light of the theories of contemporary evolutionary psychology, Jungian psychoanalysis, as well as the psychology of visual perception. If we use the theories from these strands of psychology, we can argue that certain processes and properties of religious architecture do not belong to cultural processes or properties of cultural institutions, but nevertheless they affect culture, contribute to the preservation of ritual and provides the psychotherapeutic, compensatory and adaptive functions of religion.

Keywords: architecture, religion, ritual, functional analysis, cognitive religious studies, Jungian psychoanalysis.

Acknowledgments. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Beghin D.A. Vectors of Explanation of Religious Architecture in the Optics of the Psychology of Religion. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 41, pp. 89-101. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.89> (in Russian)

Цель данной статьи – определить, в каких направлениях может быть развернуто исследование религиозной архитектуры с позиций психологии религии. Достижение данной цели предполагает предварительное подтверждение самой возможности такого исследования путем определения его общих принципов и методологических оснований. Так как методологическими проблемами изучения религиозной архитектуры традиционно занимались историки искусства и лишь в последнее время – антропологи, социологи и религиоведы, а также ввиду отсутствия работ, в которых, помимо развития конкретных психологических подходов к изучению религиозной архитектуры, имело бы место обоснование самой возможности объяснять религиозную архитектуру с позиции психологии религии с учетом различных парадигм и научных школ, наша статья видится имеющей научную новизну и актуальной для философии религии и религиоведения.

В рамках классических религиоведческих подходов в области изучения архитектурных строений ведется поиск ответа на вопрос, ставший уже традиционным: «Что памятники религиозной архитектуры могут сказать о религии?» [32]. Материалом для исследования здесь является конкретное архитектурное строение или группа строений, объединенных некоторыми общими признаками вплоть до абстрактного множества памятников «сакральной архитектуры», а результатом – реконструкция того, как понимались или понимаются эти строения верующими людьми, вступающими в ритуальное взаимодействие с ними в разных историко-культурных контекстах (в терминах американского религиоведа Линдсея Джонса, любая ситуация взаимодействия с сакральной архитектурой может быть названа «ритуально-архитектурным событием» [Там же]). Само же понимание архитектурных строений верующими людьми рассматривается как часть духовной культуры, будет ли речь

идти о конкретных смыслах или об универсальных образах, формах или структурах (сакральное пространство, сакральная геометрия и т. д.).

Исследование религиозной архитектуры с точки зрения психологии религии предполагает пересмотр и переформулировку обозначенного выше вопроса, а именно: «Почему религиозная архитектура необходима для религии?». За такой формулировкой следуют иные акценты: основной исследовательский интерес будут представлять уже не особенности понимания архитектурных строений верующими людьми в разных ситуациях взаимодействия с ними, а объективные причины, объясняющие закономерность и неслучайность самих этих ситуаций. В данной работе развивается точка зрения, согласно которой объяснить необходимость религиозной архитектуры возможно на основании функциональной методологии, потому что она позволяет отойти от исследования только символических реальностей культуры (особенностей понимания и интерпретации архитектурных строений, коммуникации с ними) и сфокусироваться на оценке и анализе архитектурных процессов и свойств как таковых. Такая методологическая установка, по нашему мнению, отлична от устоявшихся в религиоведческих исследованиях архитектуры различных вариантов (философской [32], семиотической, иеротопической [11], феноменологической, имажинативной, теменологической [14]) герменевтики и может их обогатить.

На наш взгляд, архитектурному строению свойственна *субъектность* – активность, деятельность, поведение. В ритуально-архитектурном событии можно выявить некоторые общие свойства архитектурной субъектности, и по мере этого будет все более очевидным ее отличие от субъектности человека. Ритуальное поведение человека осмысленно, а религиозная архитектура пробуждает автоматические рефлексы (здесь начинают играть роль нуминозность, мистичность, иррациональность, чувственность, телесность [16, с. 114–119; 35]). Если ритуал предсказуем, то религиозная архитектура удивляет (она избыточна в смысловом плане [32]). Ритуал нуждается в инструментах – религиозная архитектура формирует поведение (она вовлекает во взаимодействие, формирует и задает для участников ритуала «собственные моторно-топологические схемы действия» [11, с. 311]).

Итак, взаимодействие архитектурного строения и человека в процессе культового действия нельзя в полной мере объяснить редуccionистски («учение о сакральной архитектуре есть учение о ритуале» [31], «храм как религиозно-культурное целое» [11, с. 361]), опираясь только на логику ритуала – как игру (по Х.-Г. Гадамеру) или же диалог (семиотически). По нашему убеждению, обоснование социокультурной необходимости религиозной архитектуры требует выхода за рамки культуро-/ритуало-/антропоцентризма в изучении ритуально-архитектурных событий.

Такой подход намечается, например, у современных нидерландских антропологов. Мы имеем в виду сборник «Религиозная архитектура: антропологические перспективы», авторы которого разделяют общую методологическую установку, обоснованную во введении профессором Амстердамского университета Оскаром Веркааиком [35, с. 7–24]. На эмпирическом материале

ученые продемонстрировали, что памятники религиозной архитектуры способны преодолевать (в том числе благодаря соматическому воздействию) любые символические структуры культурного субъекта, каким является каждый верующий человек. Интерпретация смысла архитектуры всегда остается относительной, так как обусловлена историко-культурным контекстом, в котором работает исследователь, архитектурные памятники же полисемантичны – для разных эпох, народов, людей они различны в плане понимания, а их объективные роль, значение и функция для религии заключаются как раз в выходе за пределы символической реальности локальной культуры. Однако в полной мере данный подход выражен, на наш взгляд, в подчеркнута антиредукционистской архитектурной теории и функциональной методологии отечественного архитектора М. Р. Савченко. Мы апеллируем к двум его трудам – монографии «Основания архитектуры: Введение в архитектурную онтологию, парадигмы и универсалии, категории, типология» [18] и статье «Культура в свете теории архитектурной функции» [17].

С точки зрения архитектурной теории М. Р. Савченко в основе архитектуры и культуры лежат оппозиционные парадигмы взаимодействия сознания и пространства: пространство культурного института, данное в символах, нормах, образцах, традиции и т. д., оппонирует пространству архитектуры, данному как форма. Основная функция архитектуры – компенсаторная: это восполнение, гармонизация, уравнивание и сохранение целостности любой конкретно-исторической или абстрактной ситуации через инверсию доминантных/типологических свойств опосредующих архитектуру систем. Ритуально-архитектурное событие (более правильно здесь – ритуально-архитектурная система) в свете функциональной методологии М. Р. Савченко есть взаимодействие уже не культурных субъектов, но оппонирующих друг другу культурного/религиозного/ритуального субъекта и субъекта архитектурного (т. е. самого архитектурного строения). Благодаря своим интересубъективным свойствам и процессам архитектура и культура компенсируют ограниченность друг друга.

Исходя из этого, объяснение религиозной архитектуры с позиции психологии религии можно определить как психологическое объяснение процессов и свойств архитектурных строений, которые не сводятся к культурным процессам и свойствам культурных институтов, в том числе к свойствам религиозного комплекса, но являются неслучайными и необходимыми, так как способствуют функционированию и сохранению (воспроизведению, распространению и развитию) ритуала и религии за счет компенсации (инверсии) их доминантных или типологических свойств.

В отечественной психологии религии храмовая архитектура рассматривается в связи с ее так называемой культовой функцией, которая заключается в интенсификации и углублении религиозного опыта (эмоций и чувств) верующих, участвующих в ритуале [21, с. 99–108; 25, с. 45–47]. Безусловно, религиозная архитектура вызывает эмоциональный отклик и углубляет переживания верующих. Но в чем специфика религиозной архитектуры, скажем, в отличие от природных пространств или открытых городских площадей, которые

тоже могут вызывать эмоции и часто выступают ареной ритуальной активности, такое объяснение не раскрывает.

Как известно, с точки зрения психологии религии ритуал может быть рассмотрен как «функциональная психическая система» [22, с. 150], в основе которой лежит «динамический стереотип» (И. П. Павлов) или доминанта (А. А. Ухтомский), характеризующиеся прежде всего устойчивостью. Современные эволюционные психологи показали, что воздействие религиозной монументальной архитектуры на психику человека заключается, во-первых, в дестабилизации когнитивных структур (эффект *vastness*: человек, визуально воспринимая ненормально огромную архитектурную форму, испытывает смущение, замешательство, потерянности) и, во-вторых, в их реструктурировании (компенсаторный и адаптивный эффект *accommodation*: человек ускоренно усваивает и упорядочивает новый опыт, становится более открытым к принятию новых ценностей, установок, представлений, а также к запоминанию ритуальных образцов – схем действий в нестандартной ситуации) [33; 34].

Следует понимать, что компенсация – это не изменение компенсируемого. Если мы говорим, что религиозная архитектура компенсирует устойчивость ритуальной активности, то имеем в виду, что своей деятельностью она порождает в психике человека процессы (дестабилизация, расшатывание, дефрагментация когнитивных структур), по своим свойствам противоположные порождаемому ритуалом процессу формирования устойчивых психических стереотипов. Обуславливая напряжение и динамику системы (когнитивного аппарата человека), религиозная архитектура способствует сохранению потребности в стабилизации этой же системы, т. е. во всех элементах, выполняющих такую функцию. Иными словами, религиозная архитектура создает психологические условия, в которых сохраняется потребность и необходимость в ритуальной деятельности. Эти же условия способствуют запоминанию, распространению и развитию моделей ритуального поведения.

Возникает вопрос: каким именно образом реализуется функция архитектурного памятника в ритуально-архитектурной системе? М. Р. Савченко, рассматривая элементарный пример – снятие головного убора, определяет базовые функциональные отношения, лежащие в основе любого ритуально-архитектурного события: «Чисто прагматический, утилитарный жест («снять шляпу») подтверждает свою сугубую утилитарность только перед лицом сакрального пространства. И наоборот, если снятие головного убора понимается как сакральное действие, то оно таково потому, что предлагаемое пространство вещественно и утилитарно. Функция пространства здесь состоит в прагматическом приземлении жеста (в первом случае – в его сакральном возвышении)» [17, с. 69]. Так выявляются два базовых типа ритуально-архитектурного события: 1) сакральный жест + утилитарное строение; 2) утилитарный жест + сакральное строение (условно обозначим их как *Tun 1* и *Tun 2* соответственно).

Tun 1 соответствует известное в науке о религии не прямое восприятие архитектурных форм: сознание ритуального субъекта направлено на саму деятельность, а религиозная архитектура воспринимается утилитарно – либо как инструмент массовой партиципации (по Л. Джонсу, «режим театра» [30]),

либо как инструмент защиты чистоты и священности культа («режим святилища» [30]). А *типу 2* соответствует прямое восприятие архитектурных форм: сознание участника ритуала целиком направлено на памятник, оно пребывает в «режиме созерцания» [Там же]. Сознание и поведение участника ритуальной деятельности в первом случае более рефлексивно, оно полагает различия (себя и объекта, действия и инструмента), а во втором – менее.

Рефлексивность – одна из базовых характеристик взаимодействия сознания и пространства в теории М. Р. Савченко, и именно она предполагает психологическое толкование [13]. Рефлексивность также характеризует и архитектурный памятник: он может выступать либо как объект, либо как среда. Получается, рефлексивность ритуального субъекта компенсируется иррефлексивностью памятника религиозной архитектуры, и наоборот: если сознание сфокусировано на ритуале, на строгой последовательности определенных (сакральных, формальных, символических) действий, то памятник выступает как неразличимая, неопределенная среда (декорация или ограниченное, «подходящее» именно для ритуала место, т. е., повторим, инструмент); если сознание сфокусировано на (сакральных) архитектурных формах, то ритуал совершается автоматически, неосознанно, нестрого, ритуал сам по себе тогда выступает лишь как инструмент созерцания (тогда ритуал обретает черты медитации – это растянутое во времени и непрерывное действие, целью которого является созерцание вневременной формы и образа, например образа храма [14]).

На наш взгляд, психологическое объяснение этих закономерностей возможно в рамках установочной типологии Карла Густава Юнга. Во-первых, как установочная, так и функциональная типологии уже продемонстрировали свою применимость в эмпирическом исследовании религиозной архитектуры [28]; во-вторых, согласно теории Юнга, интровертная установка является более рефлексивной, экстравертная – менее, а отношения между сознательной и бессознательной установками – компенсаторными [23]. С учетом этого намечается объяснение архитектуры: ритуальный субъект компенсирует ограниченность своего сознания (интровертного/рефлексивного/деятельного или экстравертного/нерефлексивного/созерцательного) посредством переноса бессознательной установки на архитектурный памятник.

Юнг, как известно, проводил параллели и описывал структурные сходства между психотерапевтическим процессом и процессами в области религии [24, с. 19–56]). Психотерапевтическая функция религии состоит, в частности, в обеспечении защиты сознания от травмирующих, опасных, дестабилизирующих импульсов бессознательного: это «психоапотропеическая функция», она же, наряду с «психокатартической» функцией (обеспечивающей разрешение противоречий сознания), есть и подфункция компенсаторной функции религии [11, с. 69–71]. Неподконтрольные импульсы бессознательного, напомним, характеризуются нуминозностью, и элементарным механизмом защиты от их воздействия является их заключение в рамки доступных для сознания образов (прежде всего архетипических), одним из которых является Теменос [12, с. 233–234; 20, с. 221–222],

С точки зрения юнгианского психоанализа Теменос ограничивает нуминозную зону психики, он всегда символизирует психотерапевтический процесс – сознательную работу по усвоению бессознательных (архаичных, детских, табуированных) содержаний, а его перенос на окружающую действительность (людей, предметы, ситуации) приводит к появлению сакрального пространства. Так, согласно Юнгу и другим современным юнгианским аналитикам, защитный механизм заключения нуминозных энергий в доступные сознанию и контролируемые им рамки (что на символическом уровне означает появление архетипического образа Теменоса) лежит не только в основании храмостроительства или планирования городов [24, с. 138], но и, например, в организации и бережном отношении к интимному (и в некотором смысле – сакральному) пространству взаимодействия между психоаналитиком и его пациентом [26; 27]. Но как архетипический образ Теменос имеет две стороны, два режима, характеризующихся «закрытостью» и «открытостью». В частности, в храмовой архитектуре Теменос может быть представлен в образе закрытого, отталкивающего, останавливающего, утаивающего и скрывающего сосуда, вместилища или в образе границы, наоборот, требующей преодоления – вхождения или выхода [6, с. 779].

В первом случае (*Tun 2*) компенсируется сознательная экстравертная установка на созерцание архитектурных форм: ритуал характеризуется чередой остановок, спровоцированных самим памятником. Взаимодействие с памятником в данном режиме – это последовательное столкновение с преградами, преодоление которых требует от участника ритуала сознательного, рефлексивного обращения к самому себе – работы над самопониманием и самоидентификацией. Отсюда проистекает известный эзотерический и инициатический смысл ритуально-архитектурных событий. Во втором случае (*Tun 1*) компенсируется сознательная интровертная установка на саму ритуальную активность: строение побуждает к деятельности, соучастию, партиципации за счет интенсивного привлечения внимания ритуального субъекта. Оно не позволяет участнику ритуала замкнуться на форме самого ритуала, на формальной правильности или неправильности его соблюдения. Отсюда мистический магнетизм, *mysterium fascinans* религиозной архитектуры и ее интеграционная функция – способность привлечь внимание любого человека вне зависимости от его религиозной идентичности [1, с. 229–230].

В свете данных рассуждений становится очевидно: религиозная архитектура способствует выполнению психотерапевтической функции религии не только в психоапоトロпеическом, но и в психокатартическом смысле: ритуально взаимодействуя с ней, человек интегрирует вытесненную бессознательную установку и (теоретически [29]) трансформируется в направлении индивидуации.

Дальнейшие наши рассуждения будут касаться проблемы архитектурного стиля, т. е. проблемы визуального восприятия религиозной архитектуры. Психологическое осмысление данной проблемы представлено в трудах известных искусствоведов: Генриха Вельфлина [8; 9], Вильгельма Воррингера [7; 36] и Рудольфа Арнхейма [2–4]. Опираясь на их достижения, нам необходимо обосновать и наметить возможность научного определения, в каком отношении находятся религия и визуальное восприятие архитектурных форм и почему историческая смена архитектурных стилей необходима для религии.

И религия, и визуальное восприятие архитектуры – это психологические средства адаптации к изменяющейся действительности. Психологический механизм выполнения религией ее адаптивной функции – это угнетение или стимуляция центральной нервной системы человека в условиях невозможности сознательно подстроить мышление под изменившиеся требования работы культурных и общественных институтов (мы имеем в виду то, что в религиоведении называется «компенсаторной функцией религии» [10]). Развитие последних с точки зрения современной теории систем подчинено логике последовательной смены состояний порядка и хаоса, большей или меньшей предсказуемости. Подобные изменения дезадаптируют сознание отдельного человека, что проявляется в наличии устойчивого отрицательного эмоционального фона: тревожность может быть обусловлена как большой ответственностью за принимаемые решения (если сознание направлено на подчинение непреодолимым обстоятельствам), так и невозможностью что-либо изменить в мире (если сознание направлено на независимое целеполагание). Всякий ритуал дает утешение и облегчение (снимает психологический стресс), временно устраняя (делая незаметными, незначительными) те свойства мира, которые расходятся с доминирующей установкой сознания человека. В одном случае вопреки непредсказуемости социокультурного бытия человек осознает себя частью мира, подчиненного универсальным и неизменным законам, в другом – человек осознает собственную свободу и независимость от окружающего мира. В том, что религия не изменяет саму установку сознания, но обеспечивает ее сохранение в качестве элемента метаупорядоченной (т. е. диалектически сочетающей как нормативные, так и креативные, неформальные, трансгрессивные элементы) системы, на наш взгляд, проявляется ее функция хаосмизации [11, с. 79–81].

Итак, восприятие архитектурных форм может быть представлено в двух взаимоисключающих, но не противоположных механизмах реагирования, которые можно свести к базовым реакциям живых организмов на окружающую среду – доверию или избеганию. Речь идет об эмпатии и абстрагировании, о чем много писал и рассуждал В. Воррингер [7; 36]. Работа этих механизмов обусловлена доминированием тех или иных оппонирующих свойств самой архитектурной формы, фиксируемых посредством впечатлений. Впечатление стабильности, неподвижности, устойчивости, определенности, упорядоченности, предсказуемости, самодостаточности форм содействует принятию памятника в качестве объективной реальности. Наоборот, впечатление подвижности, функциональности, напряжения, иллюзорности, картинности, случайности формы содействует субъективной отрешенности человека.

Если мы исходим из того, что в своих свойствах архитектура оппонирует культуре и религии, то должны предположить, что она оппонирует мировоззрению. Оппонировать мировоззрению архитектура может посредством визуального представления качеств, противоположных тем, которые характеризуют устоявшийся в массовом сознании образ мира. Так было, например, в период возникновения и становления барочной архитектуры (XVI–XVII вв.)

[18, с. 114]. Именно в этот период происходит смена средневековой схоластической картины мира на научную картину мира Нового времени: в природе и обществе открылись внутренняя упорядоченность, телеология, закономерность. В формах барокко архитектура инвертировала данный образ мира, представила его несамодостаточным, субъективным, непредсказуемым и т. д. В это же время происходит изменение католического ритуала. Средневековые практики эмпатического созерцания конкретных образов святых и Иисуса Христа, упования на них сменились иезуитскими экстатическими практиками, в основе которых было отречение от всего конечного и понятного, рассеивание внимания (так понимает иезуитские духовные практики, а также религиозный опыт Дж. Бруно Г. Вельфлин [9, с. 154–155]). Разница между первым и вторым подобна разнице между объектной и безобъектной медитацией в буддизме: И. Лойола, например, наставляет не препятствовать, но наоборот, отдаваться субъективному воображению, поиску ассоциаций и размышлениям над смыслом слов в процессе молитвы [15, с. 82–83]. И, конечно, этому может способствовать сама архитектура: впечатлением избыточности, подвижности, беспорядочности, незаконченности барочные церкви внушали ритуальному субъекту значимость его собственной воли и свободы в условиях, когда культура и общество эту значимость нивелировали. Интенсифицируя фантазию и воображение, барочная архитектура способствовала сохранению католической веры в возможность самостоятельного спасения через труд и благочестивые дела – инвертировала протестантский образ мира, характеризующийся предопределением судьбы каждого человека [5, с. 19]. Тем самым она выполняла функцию психологической компенсации и утешения для общества верующих католиков [19].

Итак, визуальная инверсия исторически изменчивой степени предсказуемости и упорядоченности культуры (с ее институтами и доминирующим образом мира) в формах религиозной архитектуры способствует утешению человека, оказавшегося в условиях невозможности адаптировать установку своего сознания к подобным историческим изменениям. В этом религиозная архитектура содействует выполнению религией ее компенсаторной, адаптивной функций и функции хаосмизации.

Выводы

1. Основанием для объяснения религиозной архитектуры с позиции психологии религии может быть функциональная методология, которая позволяет осмыслять архитектурные процессы и свойства, не редуцируемые в полной мере к какой-либо символической реальности и не относящиеся к культурным процессам и свойствам культурных институтов (в том числе к свойствам религиозного комплекса), но воздействующие тем не менее на религию как часть культуры, способствуя ее функционированию и сохранению (распространению, воспроизведению, развитию). Функциональная методология способна обогатить устоявшиеся в религиоведении подходы к пониманию архитектурных сооружений, так как вместо традиционной проблемы религиоз-

ного, культового или сакрального значения или смысла архитектуры для верующих такая методология позволяет поставить вопрос об объективных причинах необходимости архитектурных строений для религии.

2. Объяснение религиозной архитектуры с точки зрения психологии религии возможно в рамках эволюционной и когнитивной психологии, юнгианского психоанализа и психологии визуального восприятия архитектурных форм. Применение теорий из данных областей психологической науки позволяет утверждать, что некоторые процессы и свойства религиозной архитектуры воздействуют на культуру извне, компенсируя ее доминантные или типологические свойства и тем самым способствуя сохранению ритуала, а также выполнению религией ее психотерапевтической, компенсаторной, адаптивной функций и функции хаосмизации (в терминах И. П. Давыдова).

Список литературы

1. *Авт Т.* Территория символа. М. : Касталия, 2013. 330 с.
2. *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм. М. : Стройиздат, 1984. 193 с.
3. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 392 с.
4. *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М. : Прометей, 1994. 352 с.
5. Барокко: Архитектура, скульптура, живопись / под ред. Р. Томана. Кельн : Konemann, 2000. 487 с.
6. *Ванеян С. С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 825 с.
7. *Ванеян С. С.* Вильгельм Воррингер: чувствуя абстракцию // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5, Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. № 1 (21). С. 123–164.
8. *Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М. : В. Шевчук, 2013. 312 с.
9. *Вельфлин Г.* Ренессанс и барокко. СПб. : Азбука-классика, 2004. 288 с.
10. *Винокуров В. В.* Компенсаторная функция: будущее одной полемики // Религиоведческий альманах. 2017. Т. 4, № 2. С. 63–75.
11. *Давыдов И. П.* Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб. : Изд-во РХГА, 2021. 453 с.
12. *Зеленский В. В.* Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). М. : Когито-Центр, 2008. 336 с.
13. *Карпов В. В.* Intentio et distention animi: Метод и интрига. К незавершенному исследованию М.Р. Савченко «Архитектурная функция: теория и историко-культурные проблемы» // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком. М. : ЛЕНАНД, 2013. С. 24–96.
14. *Корбен А.* Храм и созерцание. М.: Касталия, 2020. 392 с.
15. *Лойола И.* Духовные упражнения. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 128 с.
16. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 269 с.
17. *Савченко М. Р.* Культура в свете теории архитектурной функции // Вопросы теории архитектуры: Архитектура и культура России в XXI веке. М. : Либроком, 2009. С. 64–74.
18. *Савченко М. Р.* Основания архитектуры: Введение в архитектурную онтологию, парадигмы и универсалии, категории, типология. М. : КомКнига, 2006. 254 с.
19. *Степанов А.* Чем нам интересно барокко? // Логос. 2018. Т. 28, № 4. С. 191–222.
20. *Сэмюэлс Э., Шортер Б., Плот Ф.* Словарь аналитической психологии К.Г. Юнга. М. : Добросвет, Городец, 2016. 264 с.
21. *Угринович Д. М.* Искусство и религия (Теоретический очерк). М. : Политиздат. 1982. 288 с.

22. Угринович Д. М. Психология религии. М. : Политиздат, 1986. 352 с.
23. Юнг К. Г. Психологические типы. Минск: Харвест, 2017. 528 с.
24. Юнг К. Г. Психология и алхимия. М. : Рефл-бук, 1997. 592 с.
25. Яковлев Е. Г. Эстетика. Искусствознание. Религиоведение. М. : Университет, 2003. 640 с.
26. Abramovitch H. Temenos lost: reflection on moving // Journal of analytical psychology, 1977. Vol. 42. P. 569–584.
27. Abramovitch H. Temenos regained: reflection on the absence of the analyst // Journal of analytical psychology. 2002. Vol. 47. P. 583–598.
28. Francis L. J., Williams E., Annis J., Robbins M. Understanding cathedral visitors: Psychological type and individual differences in experience and appreciation // Tourism analysis. 2008. Vol. 13. P. 71–80.
29. Huskinson L. Archetypal dwelling, building individuation // Psyche and the Arts. Jungian approaches to music, architecture, literature, film and painting. New York : Routledge, 2008. P. 35–44.
30. Jones L. Architectural catalyst to contemplation // Transcending architecture. Contemporary views of sacred space. Edited by Julio Bermudez. Washington DC : CUA Press, 2015. P. 170–207.
31. Jones L. Eventfulness of architecture: Teaching about sacred architecture is teaching about ritual // Teaching ritual. New York : Oxford University Press, 2007. P. 251–272.
32. Jones L. The hermeneutics of sacred architecture: A reassessment of the similitude between Tula, Hidalgo and Chichen Itza, Yucatan. Part I // History of Religions. 1993. N 3 (32). P. 207–232.
33. Joye Y., Verpooten J. An exploration of the functions of religious monumental architecture from a Darwinian perspective // Review of General Psychology. 2013. N 1 (17). P. 53–68.
34. Keltner D. Haidt J. Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion // Cognition and emotion. 2003. N 2 (17). P. 297–314.
35. Religious architecture. Anthropological perspectives / ed. O. Verkaaik. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2013. 213 p.
36. Worringer W. Form problems of the gothic. New York : G.E. Stechert & CO. 1920. 146 p.

References

1. Abt T. *Territoriya simvola* [Symbol Area]. Moscow, Kastaliya Publ., 2013, 330 p. (in Russian)
2. Arnheim R. *Dinamika arhitekturnyh form* [The Dynamics of Architectural Form]. Moscow, Strojizdat Publ., 1984, 193 p. (in Russian)
3. Arnheim R. *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and Visual Perception]. Blagoveshchensk, BGK imeni I.A. Boduena de Kurtene Publ., 2000, 392 p. (in Russian)
4. Arnheim R. *Novye ocherki po psikhologii iskusstva* [New Essays on the Psychology of Art]. Moscow, Prometej Publ., 1994, 352 p. (in Russian)
5. Toman R. (ed.). Barokko: Arhitektura, skulptura, zhivopis [Barock. Architectur. Skulptur. Malerei]. Koln, Konemann, 2000, 487 p. (in Russian)
6. Vaneyan S.S. *Arhitektura i ikonografiya. "Telo simvola" v zerkale klassicheskoy metodologii* [Architecture and Iconography. "The Body of a Symbol" in the Mirror of Classical Methodology]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2010, 825 p. (in Russian)
7. Vaneyan S.S. Vilgelm Vorringer: chuvstvuya abstrakciyu [Wilhelm Worringer: Feeling Abstraction]. *St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*, 2016, no. 1 (21), pp. 123–164. (in Russian)
8. Wölfflin H. *Osnovnye ponyatiya istorii iskusstv: Problema evolyucii stilya v novom iskusstve* [Basic Principles of Art History: The Problem of Style Evolution in New Art]. Moscow, V. Shevchuk Publ., 2013, 312 p. (in Russian)
9. Wölfflin H. *Renessans i barokko* [Renaissance and Baroque]. St. Peterburg, Azbuka-klassika Publ., 2004, 288 p. (in Russian)
10. Vinokurov V.V. Kompensatornaya funkciya: budushchee odnoj polemiki [Compensatory Function: The Future of one Controversy]. *Religovedcheskij almanah*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 63–75. (in Russian)
11. Davydov I.P. *Hram i ritual: socialnye funkcii svyashchennogo* [Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred]. St. Peterburg, RHGA Publ., 2021, 453 p. (in Russian)

12. Zelenskij V.V. *Tolkovyj slovar po analiticheskoj psihologii (s anglijskimi i nemeckimi ekvivalentami)* [Explanatory Dictionary of Analytical Psychology (with English and German equivalents)]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2008, 336 p. (in Russian)
13. Karpov V.V. Intentio et distention animi: Metod i intriga. K nezavershennomu issledovaniju M.R. Savchenko "Arhitekturnaya funkciya: teoriya i istoriko-kul'turnye problemy" [Intentio et distention animi: Method and Intrigue. To M.R. Savchenko's unfinished study "The Architectural Function: Theory, Historical and Cultural Problems"]. *Voprosy teorii arhitektury: Arhitektura v dialoge s che-lovekom*, Moscow, LENAND Publ., 2013, pp. 24-96. (in Russian)
14. Corbin H. *Hram i sozercanie* [Temple and Contemplation]. Moscow, Kastaliya Publ., 2020, 392 p.
15. Otto R. *Svjashhennoe. Ob irracionalnom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym* [The Idea of the Holy: An Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational]. St. Petersburg, SpbGU Publ., 2008, 269 p. (in Russian)
16. Savchenko M.R. Kultura v svete teorii arhitekturnoj funkcii [Culture in the Light of Architectural Function Theory]. *Voprosy teorii arhitektury: Arhitektura i kul'tura Rossii v XXI veke*. Moscow, Librokom, 2009, pp. 64-74. (in Russian)
17. Savchenko M.R. *Osnovaniya arhitektury: Vvedenie v arhitekturnuyu ontologiyu, paradigmy i universalii, kategorii, tipologiya* [Foundations of Architecture: Introduction to Architectural Ontology, Paradigms and Universals, Categories, Typology]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 254 p. (in Russian)
18. Stepanov A. *CHem nam interesno barokko?* [Why do we care about the Baroque]. *Logos*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 191-222. (in Russian)
19. Loyola I. *Duhovnye uprazhneniya* [The Spiritual Exercises]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2010, 128 p. (in Russian)
20. Samuels E., Shorter B., Plaut F. *Slovar' analiticheskoj psihologii K.G. Yunga* [Dictionary of C.G. Jung's Analytical Psychology]. Moscow, Dobrosvet Publ., Gorodec Publ., 2016, 264 p. (in Russian)
21. Ugrinovich D.M. *Iskusstvo i religiya (Teoreticheskij ocherk)* [Art and Religion (Theoretical Essay)]. Moscow, Politizdat Publ., 1982, 288 p. (in Russian)
22. Ugrinovich D.M. *Psihologiya religii* [Psychology of Religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 352 p. (in Russian)
23. Jung C.G. *Psihologicheskie tipy* [Psychological Types]. Minsk, Harvest Publ., 2017, 528 p. (in Russian)
24. Jung C.G. *Psihologiya i alhimiya* [Psychology and Alchemy]. Moscow, Refl-buk Publ., 1997, 592 p. (in Russian)
25. Yakovlev E.G. *Estetika. Iskusstvoznanie. Religiovedenie* [Aesthetics. Art History. Religious Studies]. Moscow, Universitet Publ., 2003, 640 p. (in Russian)
26. Abramovitch H. Temenos lost: reflection on moving. *Journal of analytical psychology*, 1977, vol. 42, pp. 569-584.
27. Abramovitch H. Temenos regained: reflection on the absence of the analyst. *Journal of analytical psychology*, 2002, vol. 47, pp. 583-598.
28. Francis L.J., Williams E., Annis J., Robbins M. Understanding cathedral visitors: Psychological type and individual differences in experience and appreciation. *Tourism analysis*, 2008, vol. 13, pp. 71-80.
29. Huskinson L. Archetypal dwelling, building individuation. *Psyche and the Arts. Jungian approaches to music, architecture, literature, film and painting*. New York, Routledge, 2008, pp. 35-44.
30. Jones L. Architectural catalyst to contemplation. *Transcending architecture. Contemporary views of sacred space. Edited by Julio Bermudez*. Washington, CUA Press, 2015, pp. 170-207.
31. Jones L. Eventfulness of architecture: Teaching about sacred architecture is teaching about ritual. *Teaching ritual*, New York, Oxford University Press, 2007, pp. 251-272.
32. Jones L. The hermeneutics of sacred architecture: A reassessment of the similitude between Tula, Hidalgo and Chichen Itza, Yucatan. Part I. *History of Religions*, 1993, no. 3 (32), pp. 207-232.
33. Joye Y., Verpooten J. An exploration of the functions of religious monumental architecture from a Darwinian perspective. *Review of General Psychology*, 2013, no. 1 (17), pp. 53-68.

34. Keltner D. Haidt J. Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion. *Cognition and emotion*, 2003, no. 2 (17), pp. 297-314.
35. Verkaaik O. (ed.). *Religious architecture. Anthropological perspectives*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2013, 213 p.
36. Worringer W. *Form problems of the gothic*. New York, G.E. Stechert & CO, 1920, 146 c.

Сведения об авторе

Бегчин Денис Александрович
аспирант, кафедра философии религии и
религиоведения
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва,
ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27,
корп. 4
e-mail: begdengm@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0772-002X

Information about the author

Begchin Denis Aleksandrovich
Postgraduate, Department of Philosophy of
Religion and Religious Studies
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27-4, Lomonosovskij av., Moscow,
119991, Russian Federation
e-mail: begdengm@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0772-002X